

На долю Ксении Некрасовой выпала удивительная судьба. Какие бы жизненные мытарства она ни перенесла, не было у неё другого призвания, кроме как видеть мир глазами ребёнка, быть очарованной с детства огромным небом и земной красотой. Родилась поэтом 18 января 1912 года и такой осталась до последнего вздоха. Жизнь её изучена почти полностью, мы верим и не верим её рассказам о себе, она искренне говорит о своей жизни-мечте, о сказке, в которой мученически жила свои 46 лет. Ксения, Ксенечка, Ксюша... Стихи опубликовал журнал «Октябрь» № 3. Ей было 25 лет. Не об этом ли она писала «Крупской Надежде Константиновне» в 1937 году: «А я рождена в октябре».

Её стихи поражали современников, удивляли своей необычностью, отсутствием в них традиционного просодического стихосложения. Строчки вырубались из общего потока поэзии угловатостью графического исполнения, каким-то неземным существованием. Ксения Некрасова питалась духом, кружащихся вокруг неё, земными ангелами, видениями постоянного праздника жизни. Всматриваясь в окружающий

мир, она удивлялась, как всё неживое могло быть одушевлённым, говорить, петь, любить, по-человечески быть одержимым в познании красоты.

В детстве после болезни, когда сняли повязку с глаз, она увидела небо, «Так я впервые познакомилась с первым предметом на земле – НЕБОМ», и навсегда осталась в нём летать своей неуёмной тоскующей душой. При втором рождении, оно было «более позднее – в четыре, в пять лет», «голубое пространство, тёплое и мягкое, прикоснулось ко мне», и «вот я дышу и ощущаю его горячее (приятное) прикосновение». Открылось её поэтическое зрение.

«Я полоскала небо в речке / и на новой лыковой верёвке / развесила небо сушиться». «Из детства» – телега вобрала одного, другого, а героиня сидела «в деревянной сказке». Воздух густой и спелый, «как сливки», и колёса вертелись, «как петушьи очи»... И это чудо пленение переносит всех из реальности в «тележки щели», в мир первородства.

Небо, «как великий немой, без единого звука», пронизывает поэзию, скрепляет стихи, доминирует среди других любимых слов: снег, синий, листва, солнце, камень, сердце, улица, лицо... «Синее небо», «мгисто в серых небесах», «как небо, бог», «небо синее, как папиросная бумага, натянутая на обруч горизонта», «в синем небе гасла заря», «головой прикасалась к небу», «на небе тишь, а под небом ночь...». «И убелённые снегами художники», «снег синий молнией возник», «шёл белый снег на белые поляны...», животное «водило ушами на фоне огромного синего неба...». Синее – всегда ассоциировалось с небесным-светлым, а не с минорным-тёмным, и карандашом она писала любимым синим цветом. Вдали от родины, «где день кончается без тени», тоскует душа по северу, «по большим снегам – хоть горсточку бы русского снежку с московских улиц вьюга принесла». В стихотворении

«Русский день» заклинанием звучат строки: «Храните родину мою! Её берёз не забывайте, её снегов не покидайте».

*О, сердце у людей, живущих здесь,
должно оно любезным быть
от этих зим.*

*Прозрачным быть оно должно
и совесть белую, как снег,
нести в себе.*

От русской скромной природы – «и плакать можно, и писать стихи». Родина, Русь, «отчизна принесла жемчужницы в по-
доле – дыхание мира и свободы обширно хлынуло в стихи».

В «Русской осени» «всякий раз / я вижу эти травы, / ели эти / и стволы берёз./ Почему смотреть не устаёшь миг, / и час, / и жизнь / одно и то же?»

И уже в следующих строчках, после обычного занятия (ходили за картошкой к бабушке), поднимается величественный голос русского человека об исцелении души, её бессмертии от близости с родными полянами: «ты примешь меч за них, / и примешь смерть, / и вновь восстанешь, / чтоб запечатлеть / тропинки эти, / и леса, / и наше небо».

Подруги лирической героини полны солнечного света и счастья жить:

*А лицо у Аннушки в веснушках.
И косица как фасольный ус,
и глаза у ней, как синие синицы,
округлясь, разглядывают мир.*

*А моя современница Люба
рисовала цветы на фарфоре,
сердцем листья
травяного цвета
на золотистых стеблях,*

«и может, взгляд тоскующий на дальней на чужбине посланник наш или матрос на травы русские на чайнике уронит за вечерним чаем – и вот прихлынет к сердцу странника родины прекрасное лицо».

Обладая чистой разговорной речью, поэт ведёт нас к возвышенному простым и непритязательным стихом, но в нём сгусток образов, гипербол, выразительных эпитетов, семантических ассонансов, зоркий взгляд «третьего глаза», «он ловит то, / что прячется за свет / и в тайниках живёт, / не названное словом...». «Не надо слов. / Имей большое сердце, / и ты поймёшь величие полей, / величие земли».

Многие стихи Некрасовой озаглавлены по главному предмету изображения, они конкретны, просты и, казалось бы, утилитарны («Моя комната», «Платье», «Улица», «Чаша в сквере», «Анка», «Люба», «Наш двор», «Чеснок», «Лопата» и другие), но развитие чувства и мысли оканчивается глубокими обобщениями, которые дороги сердцу человека.

Содержание расширяется по мере нарастания душевного волнения, исчезает созерцательность бытовых элементов, спокойствие ведущего разговор становится зыбким. Обращения, восклицательная интонация, призыв только усиливает впечатление от переживаемого момента, а глагольные рифмы, анафоры, повторы, тоническое сложение ритма мощно скрепляют стих, составляют единое целое.

Поэт в детском наитии воспроизводит «пейзажи души», красоту ярмарки жизни. Свободный, нерифмованный стих (верлибр) многих советских поэтов и читателей приводил в недоумение (мягко говоря), хотя в поэзии он был не нов.

Классический пример сложной полиметрии и свободного стиха – наш древний памятник «Слово о полку Игореве». Верлибр появился в России в связи с переводами поэтов Запада, хотя ещё в 1981 году в своём предисловии Марга-

рита Алигер (знающая Ксению и её стихи) к сборнику современных французских поэтов (23 поэта, все мужчины) недвусмысленно писала: «Иные стихи трудно даже назвать стихами, это, право же, нечто совсем иное, какие-то крики души, нимало не заботящиеся о благозвучии и сладкогласии, какие-то сгустки мысли, сгустки чувства». Однако и ей пришлось с трудом признать, что «Это – поэзия, и она доходит до сердец человеческих, несмотря или вопреки отсутствию знаков препинания или заглавных букв».

Для Некрасовой дух народной речи, язык улицы и русского фольклора был естественен и органичен. «Барчуки-соцреалисты» отвергали её поэзию, называли «кискиным бредом», но она упорно и твёрдо отстаивала свои художественные принципы. Ещё наш гений Пушкин писал о таком стихосложении: «Думаю, что со временем мы обратимся к белому стиху» («Путешествие из Москвы в Петербург»).

Николай Асеев восторгался её мироощущением («И хаты утками сидят / среди оранжевых садов»), Анна Ахматова ставила рядом Цветаеву и Ксению. «Поэт в чистом виде», – говорил о ней Сергей Наровчатов. Свои стихи Некрасова читала всем в упоении земной красотой, это было наваждение, огромная радость жить и дарить добро людям, петь мелодию любви к свету без привычных рифм (она хорошо знала устное народное творчество, «Слово о полку Игореве»).

Они были внутри, звенели и плакали вместе с душой поэта. Это её сфера: песни, сказы, плачи, причитания, заплачки... Неслучайно Асеев отмахивался от неё, как от привидения. В жизни была похожа на «идиотку», словно именно ей говорил Батюшков: «Живи, как пишешь и пиши, как живёшь». Стихи – её жизнь, «только форма разная». Она – поэт неба, русской земли, училась у фактов, «меняется факт – меняются мысли», и не многие поэты её времени могли бы так пророчески

сказать: «Мятежность дум проходит от берёзовых листов, / что потеряли почку в середине мая».

Некрасова ощущала себя призванной богом-Саваофом, чтобы писать стихи, дарить добро, что было одно и то же.

*А я ведь поэт
и отгадчик вселенной,
сподобленная проникать
в зрачки
и вынимать спрятанное
в уголках души.*

«Имею ль право / я совет держать – / сама лишь лепечу / несложными словами, / о клёны истин / разбивая лоб. / Но мы должны / указывать пути сердцам – / поэты мы / и время с веком / обвенчало нас». Ей в малом, бытовом, открывалось великое, сказочное. Конкретное возводилось до высоких нот, дышало фантастикой. Зная, что «быт и мелочь едят человека», она силы искала в себе, скиталась по свету, или то гнал её свободный ум возводить «грядки великих книг из редисок, цветов и тыкв».

Вот начало одного стихотворения, экспозиция: «Стоит на печи горшок», идёт развитие простого: «тает воск...». Неожиданно в мирной обстановке – «А у печи сидит солдат...». Позыв героя не случаен, весной пришёл солдат с войны. Нарастает напряжение стиха, действие развивается активно, идёт поиск цели, рифмы точные и неточные связывают парные строчки (столе – ведре, пучки – помазки) первой строфы. Опечаленный судьбой (вторая строфа), раненый,

*Солдат встаёт
и, дверь раскрыв,
садится на порог.*

Перед ним разворачивается величавое пространство родины. Третья строфа характерна для поэта былинным

троекратным повтором, развёртыванием картины свежевспаханной земли. Мужские рифмы в конце строфы утверждают возвышенный тон. В кульминации сюжета природа (трава, ветки берёз, сучки, шелест вершин...) торжествует: «Пришёл здоров!», «Врага изгнал!», «Он мир принёс!». Звучит гимн красоте, Победе! Окончание стихотворения, кажется, буднично, но своей простой естественностью, кольцом охватывает содержание и закрепляет жизнеутверждающее, доброе в душе: «И, с воском взяв горшок, пошёл залечивать он раны...».

Многие стихи написаны дочерью Урала в южной стороне: «Горный февраль», «Весна в Ташкенте», «Мальчик», «Чеснок», «Да присохнет язык к гортани...». Здесь мужал голос поэта, рос талант, оттачивалось своеобразное мастерство. Но с ней всегда был снег России, камни Урала, улицы Москвы...

Многие особенности творчества Некрасовой видны в известном стихотворении «Урал», которое она переделывала в течение десяти лет. Здесь её очарование в переключке согласных (КРыльцо, КРыло, УРАл), в пронизывающих строки гласных «е», «о», «а», («БЕРЁЗЫ трЕПЕтали», «Ели, как ЖЕЛЕЗНЫЕ», «шЁл чЕловЕк по БЕРЕгу – из лЕса»), в музыке сочетаний ере – епе — еле, ос – ис – ст (лОСкут ОСени – лИСа вИСит..., простоволЮся, целЮвал, казалЮся), (лиСТами, СТояли, электроСТанции, хруСТалей), (лежал УРАл на лаПАх зОлОтых)... Фонетические переключки находим во многих стихах: «Русская осень» (лиСТ оСенний – раСТенный – чисСТый, вСТал – ВСякий, СТволы – не уСТАешь...), «Анка» (гусИный – чИНный – чИНно – длИНно – хворостИной...), «День» (От долГОго стОяния в наклОн, тишИна – снежИнок, слышЕН – НЕумелой, рябИны – холстИНовые – Иней...). Поэт постоянно создаёт созвучия (рифмы) в начале строки: «и белые цветы / на узловатых сгибах. /и всюду

тишина, / и синева, / и воздуха стеклянные отливы... («О художнике»), в середине или в конце строки, создавая семантический ассонанс, музыку сонорных звуков, своеобразный поэтический параллелизм: «и все идущие / навстречу мНЕ / НЕсли на обновлЕННЫХ лицах / светИНку радости моей... («Платье»).

Стихотворение «И ели недвижны...» – своеобразный двухударник, 8 строк, но они наполнены волшебством зимней сказки. В аллитерации мягких шипящих («ж», «с»), в повторении («и», «е»), во внутренней рифме («не») создаётся удивительное ощущение льющихся с высот хрустального шелеста снежинок, мягко падающих к подножию елей. В этих стихах находим её любимые слова (небо, снег), в первых трёх зачинах повторы (анафоры) гласного «и», который соединяет в со-противопоставлении две строфы, первая из них статично открывает панораму зимнего пейзажа, а во второй в глубоких звуковых сближениях «и», «о», «е» происходит нарастание активного действия в сюжете. Из целого первой строфы («и» в значении «но») лирическим субъектом вырисовывается «змеение» нового элемента (образа) в общей структуре стихов – воздуха. С характерным метафорическим эпитетом «заснеженный». Здесь ощутим параллелизм звуков и лексем, опускающихся в напряжении «с высот» к фонетической коде. Равное количество гласных (шесть) в стихах, увеличение, развёртывание строк к окончанию (первая строка – 1 стих, вторая строка – 1 стих, третья-четвертая строка – 1 стих, пятая по восьмую строку – в одном стихе) создают медленное «сцепление» и текучесть всех элементов в едином ритме стихотворения. Ударные «о» рифмуют «воздух – подножье», легко обрушивая ход поэтической мысли. Окончание наполнено женским ударением (клаузулой), гармонией двух доминирующих звуков («ж», «е»). В музыке звуков

рождаются самопроизвольно рифмы, открывается красота и богатство русской речи.

Стихотворение «На сосновом табурете...» состоит из семи строк, трёх лаконичных высказываний с опорой на три сильных слова (трёхударник) с пиррихием после второго акцента. Содержание сжато, астрофично, концентрация невероятная, ощущается «теснота стихового ряда», но характерная для лирического стиха поэта. В экспозиции сюжета конкретный предмет из определённой породы: «на сОснОвОм...». Явление бытовое, когда хозяйка «я» ставит на табурет тазик с водой, готовится что-то мыть или стирать. Строка начинается с ритмического двумерного запева, внутренне предсказывая какое-то действие, и оно открывается во второй строчке образом того, что увидится в перспективе. Расширяется понятие «блюде чайное» до бесконечного пространства, и только в третьей строке происходит понижение возвышенного тона, где «вода» с постоянным эпитетом завязана сюжетно с «морем» и неподвижна в состоянии покоя. Размер хорей закономерно продолжается при ассоциативности понятия «море» и лёгкого чувства – походить по морю, а может, самой героине в образе «синицы», что подспудно и мнится. Здесь наступает кульминация внутреннего переживания, «синица» становится «основной точкой отсчёта», главным звеном, которое связывает три верхние и три нижние строки стиха.

Своеобразие поэта сказывается в характеристике синицы (контраст цвета, особый взгляд сбоку, движение без времени). Из всех строк пятая строка насыщена согласными больше всех. Далее идёт перелом внутреннего состояния, ниспадение (каденция) действия до обычного наблюдения снега, идущего туда не знаю куда, пространство суживается до окошка, что становится причиной резкого противопоставления субъектов стиха, или рождения грусти «я», ограниченного стена-

ми комнаты, или невозможности выхода из материального мира. Может быть, перенесёт птица холод снега, не тронет он душу птичью, и она ещё погуляет, «зажжёт море», а пока «в комнате живёт».

Стихи заканчиваются мужской глагольной рифмой, инструментовкой звуков («не» – «де», «те» – «ет»). Они дают яркое представление о художественном мышлении автора. Это стихотворение раскрывает глубину переживаемого момента, мотивированно скрытыми ассоциациями, суггестивностью образов, многозначными размышлениями о смысле жизни. Здесь настоящая лирика, соответствующая принципу: «Как можно короче и как можно полнее».

Соединяя одно с другим повторяющимися союзами, предлогами, местоимениями («и», «а», «как», «да», «из», «я», «само»...), сочетаниями слов, Некрасова насыщает стихи традициями народного творчества, затягивает колдовской силой, лепетом листьев, рождением человека «из весны, из травы, из небес...». Начальные («а», «и») в «А я недавно молоко пила...», «А я встала нынче...», «А ночью ветер в брёвна дул...», ударный третий слог выводят из небытия лирического героя, из неизвестного, окутанного каким-то далёким прошлым и связывают с былыми зачинами русских песен («А мы просо сеяли...», «А неделя за неделей, как трава растёт...»). Стихосложение пронизано анафорой гласных звуков, ритмом идущего человека. Многие стихи начинаются с одного-двух слов, выделены интонационно и графически значимостью предмета, явления, события («На земле...», «Луна...», «Мой умный друг...», «К моим дверям...»).

Широко используются поэтом сравнения с подсобными словами «как», «словно», с приложением, существительными в родительном или в другом падеже («Дома, как стадо окуней в зелёном иле вязких дней», «... большие руки на

коленях, словно думы, в тишине лежат», шмель – «цветочный паломник», «небеса в глазах голубым мотком», печка русская – «медведицей», снега лежат «намятыми плодами»), постоянные эпитеты, характерные для народной поэзии. Можно увидеть популярную стилистическую фигуру (антиклимакс): «и ложатся под ноги ей тени облачками... львами... с гривами цветов...».

Некрасова в новых своих словообразованиях находила оттенки метафор, меткий признак: «древнеалый язык», «тучегонный ветер», «проголосные стихи», «продольные дожди», «горностаевый вечер», «листвовидная голова», «сердитоглазые официанки», «черноокий осёл», «пушистый звук серебряных снегов», «тыквеннолунная чалма», «зелёно-пепельная листва».

Кстати, имя и фамилия – КсЕНИЯ НЕКрасова – даёт основание думать о врождённом, неслучайном, благозвучии речи, и это, несомненно, она чувствовала и знала. Фамилия давалась на Руси не от того, что ребёнок родился некрасивым, а чтобы уберечь от недоброго глаза чужого, любопытного человека. При родах муж заливался плачем и слезами под крыльцом, а после рождения дитя уносили в лес, откуда с жалобами и причитаниями о некрасивости – его приносили домой. Кому охота смотреть «некрасивого»?

Она жила народной поэзией, чутко улавливала в жизни ритм песни, былины, частушки. Из своего «великолепного» детства несла людям сказку, чудо, вымысел. «Недаром вещи и в сказках говорят / на человеческих языках», отсюда «Разговор со столом» и «Сказка о коте и о еже», «Сказка о воде».

Преобразовывала мир пословиц и поговорок, искала новые обороты, образы, ощущения, оттенки смысла: «Я сидела ниже травы, тише листвы» («На закате»), «Слышишь, аисты крыльями бьют на семи голубых холмах?» («Что ты ищешь,

мой стих...»), «Ходит по морю синица...» («На сосновом табурете...»). А то и верно: «Ходила синица море зажигать: море не зажгла, а славы много наделала».

Лирическая героиня любит ходить по улицам «собирать поэзию», изучать лица людей, делиться с ними радостью, добром, своими стихами. Она живёт вместе с людьми, но видит своего современника нежным, здоровым, богатым, щедрым, красивым душой. Ей приятен рабочий человек, солдат, мастер, художник, народ-творец новой жизни, его славят и признаётся ему в своих чувствах. Мало в жизни красоты – и она умело ткёт новую ткань любви. Безобразия много, но не в этом суть её творчества. «И вероятнее всего, что сами мы – ещё не выросшие боги». Слагаются стихи об истоках слова, «Как мне писать мои стихи?», возникают обращения к Ахматовой, Рублеву, Джамбулу. Поэтесса постоянно была в поиске, о том говорят её записи. В своих дневниках (на библиотечных карточках) Ксения Некрасова предостерегала людей о новой опасности, как никогда актуальной и сегодня: «Поднимается новая сила – жадно поедаящая и мороженое, и белый хлеб и всякую дорогую и дешёвую пищу с одинаковым усердием. Хватающая шёлк, ситец, панбархат, корыта, кровати, зеркала, тубаретки, душегрейки, резиновые сапоги, с энергией, мощь которой не проверена, не измерена, набрасывается эта сила на леса, реки, горы и озера».

«Разве правда заключается для людей в том, чтобы показать им их тяготы жизни? Их чёрное настроение – от этих тягот? По-моему, правда – в понимании русского народа». «Правда – в добре, а добро присуще русскому народу (а не царям)». «... следует понятие прекрасного извлекать из людей, которые овладели машинами и пространствами, и на этом строить современную эстетику».

Таковы некоторые особенности творчества Ксении Александровны Некрасовой, поэта XX века, матери трудной судь-

бы, которая, поднимаясь по лестнице вверх, упала последний раз перед открытой дверью неба 17 февраля 1958 года.

*Я долго жить должна –
Я часть Руси.*

Об этом «в берестяной рожок о свершённой любви» поёт и будет вечно петь её сердце.

2013